

ПИСЬМО В.С. МУХИНОЙ ОТ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННОГО ИГОРЯ Л.

Здравствуйтесь, дорогая и уважаемая наша Валерия Сергеевна!

Миг

Не привыкайте к чудесам –
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.
Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам,
Ничто не повторится.
За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Все будет так – и все не так
Через одно мгновенье.

В. Шефнер

Огромное спасибо за Ваш визит 19 мая. В мае мы дочитали «Доктор Живаго» и тут же прочли «Три товарища» Ремарка. Эти обе книги заканчиваются очень грустно, ибо умирают главные герои. Сам доктор Живаго и обаятельная Патриция. Хотя мы и раньше читали «Три товарища», и не раз, но смерть Патриции очень тронула нас обоих в этот раз. Конечно, «Доктор Живаго» более серьезное произведение и желательно перечитать его еще раз, но, как всегда, не хватает времени на прочтение серьезной литературы. А тем более на перечитывание. Ибо при повторном прочтении открывается много нового. Например, в конце зимы мы перечитали «Игрока» Достоевского, и я понял, как глубоко знал душу любого игрока Федор Михайлович, ибо и сам он был отчасти игроком, а может быть, и не отчасти...

Прошло уже более 50 лет, а я с огромным удовольствием вспоминаю мою любимую Гану и в любой момент готов вернуться туда, хотя прекрасно понимаю, что там, в Гане, уже всё по-другому, и те люди, с которыми я общался, давно разъехались или умерли.

Итак, в далеком 1964 году моих родителей послали просвещать молодую африканскую страну, которая буквально накануне освободилась от колониальной зависимости Англии. Мой папа, Владимир Иванович Лендъел, преподавал в местном университете Кейп-Коста. А маме нельзя было работать, ибо советские власти боялись, что наши «спецы» заработают слишком много. А меж тем местное население Ганы больше нуждалось в медицинской помощи, чем в азах физики. Ведь моя мама была терапевтом-гастроэнтерологом. С нами из Москвы, например, приехала супружеская пара Орловских – дядя Сережа и тетя Таня. Они оба были математиками, но работать в университете разрешали лишь дяде Сереже. Впоследствии Сергей Орловский работал

в Москве на ул. Вавилова в Вычислительном центре Академии наук. После Ганы мы дружили с Орловскими и встречались с ними неоднократно – замечательные люди.

В те времена в нашем городе, в Гане, жил и работал мистер Клеверенк, настоящий англичанин, холостяк. Он настолько полюбил Гану, что не хотел покидать ее. Он был биологом. Этот мистер Клеверенк был для всех советских специалистов словно опекун. А надо мной он взял шефство, чтоб я учил английский язык, но я и без английского прекрасно общался с местными негритами, и настолько тесно, что они решили, что мне лучше быть негритенком, и с этой целью всем скопом вымазали меня гудроном (там прокладывалась новая автомобильная дорога). Это у них получилось очень хорошо, но когда дело дошло до моих белых кучеряшек, то я не выдержал и сбежал домой, где меня экстренно усадили в ванну и начали «стирать» бензином.

Теперь несколько слов о базаре. Ганский базар – это далеко не наш базар и не восточный. В Ганском базаре есть особый, неповторимый колорит. Как Вы понимаете, деторождаемость у них огромная, но и детская смертность не уступает. Родив двух-трех детей, ганские женщины начинают сильно полнеть и становятся очень крикливыми. На базаре слышны только крики и ругань этих «матрон» с роденовскими телесами. Складывается впечатление, что в Гане первобытный матриархат и мужики загнаны далеко в джунгли добывать крокодилов или на узких суденышках ловить рыбу в океане. Недалеко от нашего городка были огромные банановые и ананасовые плантации, но воровать там не принято, ибо за такую «деятельность» отрезают половину правой руки. А при повторной поимке за воровство отсекают половину левой руки, но я не помню безруких негров. Родители покупали за гроши фрукты на базаре, но я «зарабатывал» больше фруктов, чем родители: базарные торговки щупали мои белокурые кудряшки и приходили в полный восторг, одаривая меня бананами и манго. Еще больше «прибыли» давало мне моё лицо. Помните, дорогая Валерия Сергеевна, у меня на левой стороне лица огромный шрам? В африканских странах шрам – это символ мужества, и только почетные члены племени имеют право носить шрам на теле, а особо важные мужчины – и на лице... А тут вдруг в глубинке Ганы появляется мальчик с огромным шрамом, и все думали, что я очень большой «начальник», подходили с расспросами к родителям. У папы тоже шрам на скуле от автокатастрофы, а свой шрам я «заработал» от собаки в 1961 году, когда гостил у бабушки с дедушкой под Славянском, что возле Донецка.

Мистер Клеверенк был очень занят, а я не слишком усердствовал в изучении английского, и меня отдали в английскую семью, где были два брата, одного звали Саймон, а младший его братик старался общаться более с книжками и рисовать, чем со мной. У Саймона был настоящий детский ковбойский костюмчик и два кольца, и потому весь наш английский сводился на «войнушку».

Через несколько месяцев нашей беготни по городку с кольцами нам объявили, что скоро мы пойдем в школу. С утра я должен был играть дома или во дворе, а при моих играх должна присутствовать педагог-негритянка

и записывать свои наблюдения в тетрадь... После этих «наблюдений» меня направили в школу с мешочком, где были письменные принадлежности и завтрак. Класс наш находился в маленьком домике около университета, недалеко от океана, в 200–300 метрах. В нашем классе было не больше 20 детей, все белые, несколько китайчат. Меня с Саймоном посадили отдельно, чтобы мы не баловались, ибо училка знала, что мы друзья. Это была та самая негритянка, которая сидела «в углу комнаты с тетрадкой», и потому она прекрасно знала своих подопечных. В углу класса стояла настоящая песочница, и если кто-то уставал от «учёбы», то мог без спроса пойти в песочницу поиграть. А при «малой нужде» нужно было подойти к учительнице, шепнуть ей волшебные слова «пи-пи», она кивала головой, и ты мог выходить. Мы с Саймоном быстро договорились и ходили не только «пи-пи», но и к океану смотреть, как негры-рыбаки вытягивают сети с богатым утренним уловом. Помнится, я боялся близко подходить к улову, ибо там были не только крупные рыбы, но и всякие водяные чудовища, на мой взгляд. Позже учительница поняла, что мы с Саймоном ходим не только «пи-пи», но и к океану, за что получили «втык»: Саймон смиренно выслушивал ее наставительные речи, а я лишь кивал головой, хотя и половины ее слов не понимал. Наш педагог-негритяночка учила нас выводить прописные английские буквы. Больше ничего не помню, ибо песочница затмила всё.

Долгое время я приставал к мистеру Клеверенку, чтоб он показал мне настоящие джунгли и обезьянок. Вокруг нашего городка не было настоящих джунглей, а лишь кустики, кокосовые пальмы и небольшие деревья. Помню, что была апельсиновая роща. Когда она цвела, аромат развевался от неё неопишимо приятный, но обезьянки там не водились. Однажды мистер Клеверенк посадил меня в машину и сказал, что мы едем в джунгли к обезьянкам, а по дороге заедем на почту, и он покажет мне настоящую королеву. Я был в глубоком недоумении, ибо думал, что все короли и королевы, цари и царицы давно умерли. Мы заехали на почту, и мистер Клеверенк забрал несколько писем, на которых были наклеены почтовые марки с изображением английской королевы Елизаветы II, и гордо сказал, что это его Королева. Он пообещал, что пришлет ее изображение мне домой, в Ужгород. И, как истинный англичанин, честно исполнил свое обещание.

Итак, мы приехали в долгожданные джунгли, но они на меня не произвели особого впечатления. Мы оказались на небольшой поляне, и мистер Клеверенк попросил меня подождать его, а перед этим дал мне несколько бананов, чтобы я угостил ими обезьянок. А еще дал мне манго, ибо я их очень любил. Замечу, что и после Ганы я кушал манго, но это было бледное подобие настоящих, свежих, сочных в Гане. И вот в правой руке держу несколько бананов, а в левой – манго и вдруг вижу, что ко мне приближаются маленькие обезьянки, но, как я узнал позже, это были маргышки. Маргышки были вдвое меньше меня, они окружили меня и довольно беспардонно отняли у меня бананы. При ближайшем рассмотрении я увидел, что мордочки у них довольно злые. Но когда они довольно нагло отняли у меня и любимое манго, я вознегодовал. Некоторые из них стали лупить меня своими морщинистыми ручками прямо по лицу, хватили за волосы, уши, лезли ко мне в нос, а другие сзади лезли под рубашку.

От их неожиданного напора я, кажется, упал и стал звать на помощь мистера Клеверенка. Он тут же появился, и эти маленькие изверги сразу перестали терроризировать меня и исчезли. Короче говоря, милые обезьянки превратились для меня в мерзких, наглых и ненавистных тварей, а главное – бессердечных. С этого момента меня не тянуло ни к каким обезьянкам и обитателям джунглей.

В нашем милом городке, я никогда не видел и не натыкался на змей. В том двухэтажном домике, где мы жили, на втором этаже обитали китайцы и чехи. Чехи за домом соорудили небольшой курятник. Родители запрещали мне ходить за дом и посещать курятник, ибо всем было хорошо известно, что раз в несколько дней змеи «брали налог» по одной курочке. А раз были такие огромные змеи, что утаскивали курочек, то что было утащить им маленького непослушного мальчика.

Особенно мне запомнился Новый год, но на самом деле это было Рождество, и организовывали его для детей и взрослых родители моего Саймона. Но поскольку в Гане отсутствуют елки, а на участке родителей Саймона росло огромное множество кустов, то под эти кустики родители разбросали маленькие подарочки для детей в маленьких коробочках с ленточками, и все подписанные. А потом пришёл настоящий Санта Клаус – Дед Мороз в красной шубе с белой бородой, в красном колпаке и огромным мешком. В мешке были шикарные подарки индивидуально для каждого ребёнка. Мне достался шикарный набор цветных карандашей. Отсутствие мороза, снега и елки, особенно снега, не давало мне, ребёнку, полного ощущения Нового года. На этом мои воспоминания о прекрасной Гане я временно закончу. А пока лишь поведаю, что в конце 70-х у нас дома, в Ужгороде, раздался телефонный звонок. Папа снял трубку и начал говорить по-английски. Оказалось, что звонит мистер Клеверенк, находясь за 5 километров от нас по ту сторону государственной границы, на территории чехословацкого городишка. Но мистера Клеверенка наши власти не хотели пускать на территорию СССР. Благо, у папы были знакомые таможенники, и ему разрешили встретиться с мистером Клеверенком на «нейтральной территории» в таможенном зале. Потом, в конце 80-х папа сообщил мне, что мистер Клеверенк окончательно перебрался в Англию, где впоследствии тихо скончался. Царство ему Небесное!

Милая Валерия Сергеевна, дальше продолжаю я, Саша. Целую Ваши заботливые материнские руки. У меня к Вам сердечная просьба. Вы не могли бы через знакомых в Иркутске узнать что-нибудь о Роме Нефедьеве – это мальчик, с которым я переписывался. Прикипело сердце к нему. Знаю только, что его посадили и уже он вышел, а вот где он сейчас, что с ним, хотелось бы узнать. Может, можно получить его адрес, телефон (а также Лёши Петухова, с ним Гоша переписывался). В последнем своем письме он дал свой телефон: 89500629880, но его посадили, а сейчас я пробовал дозвониться по этому телефону, но поднимает трубку кто-то чужой из средней полосы России. Спасибо Вам, родная Вы наша, за всё, и низкий Вам поклон.

*Обнимаем, Ваши непутёвые Гоша и Саша.
Да хранит вас Бог!*